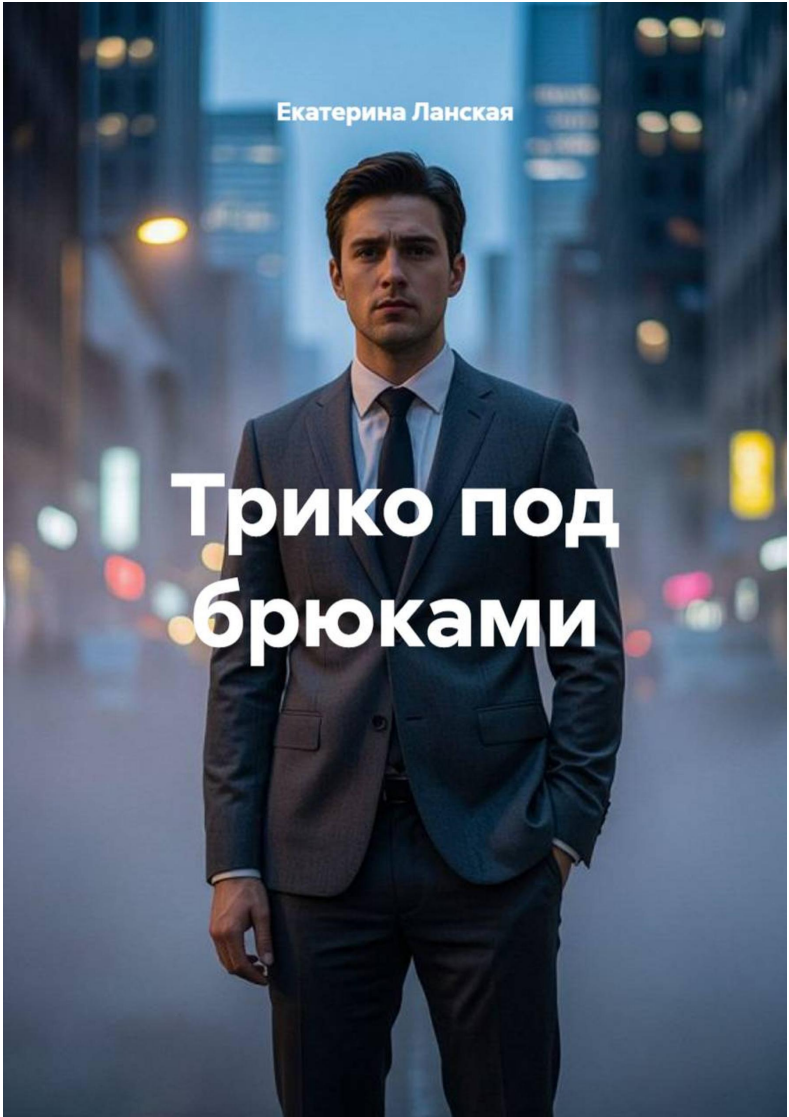

Екатерина Ланская
Трико под брюками

Екатерина Ланская
Трико под брюками

https://litres.ru/74776743
SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где суперсилой никого не удивишь, Марк — ходячий анахронизм. Он не может ни стрелять лазером из глаз, ни летать. Чтобы быть как все, он каждый день надевает трико под офисные брюки, извиняется за всё подряд и прячется за маской обычного программиста.

По вечерам он спускается в подвал, где собираются такие же "бракованные" — клуб людей, лишённых сил. А днём его начальница читает мысли, коллеги телекинезом ломают принтеры, а сам он пытается не сойти с ума от собственной неполноценности и одиночества.

Всё меняется, когда в городе начинают пропадать суперы. Они исчезают, а иногда исчезают только их силы. А потом похищают и Ирис - возлюбленную Марка. Полиция бессильна, суперы в панике. И теперь единственный, кто её может спасти — парень, у которого нет ни одной суперспособности. Зато есть план, упрямство и отряд таких же бессильных, как он сам.

Иногда, чтобы стать героем, не нужно уметь летать. Достаточно просто перестать бояться быть собой.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Екатерина Ланская
Трико под брюками

Глава 1

Марк ненавидел понедельники. И даже не потому, что это первый рабочий день после выходных, а потому что в этот день около офиса обязательно что-то взрывалось. Сегодня не повезло зданию через дорогу. Марк стоял в очереди за кофе и хот-догом, когда вокруг муниципалитета разлетелся сначала каменный забор, а затем и у самого магистрата одна стена превратилась в пыль, обнажив зал заседания. Взору зевак предстала сцена, достойная кисти Босха, но в декорациях районной администрации.

В образовавшимся проёме, словно в аквариуме, застыли люди. Первой к пролому подошла девушка в белой блузке и строгой юбке, подчёркивающей хрупкую собранность её силуэта. Девушка замерла в шаге от пустого пространства, где раньше была стена. На её лице застыло то мгновение, когда безумие происходящего уже пронзило сознание, но слова всё никак не складывались в цепочку - язык как будто не успевал за вихрем негодования, рвущегося изнутри. За ней, чуть сбившись в неровную линию, словно выстроенные по неписаному уставу, стояли мужчины в костюмах. Кто-то сжимал

и разжимал кулаки, кто-то нервно теребил галстук, как будто эта узкая полоска ткани была последней ниточкой, связывающей его с нормальной жизнью. В их движениях сквозила паника, тщательно спрятанная за сдержанностью: никто не хотел первым признать, что почва ушла из под ног.

Присутствующие в зале заседания не успели до конца прийти в себя, как в это время бумаги, ещё минуту назад надёжно защищённые стеной, дружно вспорхнули и понеслись по воздуху с энтузиазмом голубей, которых внезапно выпустили из клетки. Один лист, описав изящную кривую, приземлился недалеко от ног Марка. Он с любопытством подошёл к нему и поднял его. Повертев в руках бумагу, и стряхнув с неё кирпичную пыль, он прочёл: "Повестка дня заседания. Вопрос первый: восстановление городской архитектуры после инцидентов с субъектами с повышенной ответственностью".

Та самая сотрудница мэрии в белой блузке, едва придя в себя и осмотрев пролом в стене, сначала охнула, а затем выражение ужаса на её лице прошло полный цикл и окончательно сменилось негодованием. Глаза её сузились, казалось, её взгляд вполне мог прожечь стену, хотя, кто знает, может быть действительно и мог, и она стала истошно кричать что-то девушке в блестящем купальнике и сапогах до колен, которая в этот момент, не обратив внимание на причинённый урон, продолжала стрелять огнём в парня, облачённого в ядовито-зелёное трико. Тонкая ткань не скрывала,

а наоборот подчёркивала пузико своего хозяина, обрисовывая его, словно честный картограф, которому велели нанести на карту каждую складку местности. Марк не осуждал такое отсутствие физической формы, у него самого не было пресса, однако он считал, что если ты выходишь на бой в обтягивающем костюме, включающим в себя лосины, то ты должен быть либо очень уверен в себе, либо очень глуп. И, судя по тому, как уворачивался от фаерболов парень в зелёном трико - верно второе.

Через минуту после случившегося инцидента приехали специалисты экстренного реагирования. Они были всегда наготове и несколько строительных бригад ежедневно патрулировали по городу. Они сразу принялись за дело. Один из рабочих с невероятной легкостью поднимал кирпичи и перекидывал их второму. Второй, не глядя, их ловил и клал на раствор, который за секунду до этого замесил третий, помяв цемент в руках, как пластилин. Процесс восстановления здания шёл так быстро, что к моменту, как Марк взял хотдог и кофе, четверть стены была уже восстановлена. Марк немного понаблюдал за работой строителей, допил кофе и отправился к выходу из парка.

Возле массивных кованых ворот он кое-как протиснулся через полицейское оцепление. Двое патрульных уже держали того самого парня в ядовито-зелёном трико. Один из полицейских - здоровяк с каменными кулаками, вертел в руках металлические наручники. Второй - худой, с пальцами

как спицы, только что создал их их из пустоты: сгустил железо из воздуха и пыли и заставил их принять нужную форму. Рядом, скрестив руки на груди, стояла та самая девушка в блестящем купальнике, которая полчаса назад швыряла в него огнём.

— Имя для протокола? - спросил камменокулачный. Устало, как будто в сотый раз за день задает этот вопрос.

Парень в трико выпрямился. Пузико предательски выпирало из поблескивающей ткани. Но он продолжал гордо держать спину.

— Злодекулус.

Марк закатил глаза. Он не собирался этого делать, но чувство идиотизма происходящего оказалось сильнее его. Злодекулус. Серьёзно? Он смотрел на этот зелёный костюм, на дурацкий воротник-стойку, и пытался понять, в какой момент своей жизни этот человек решил, что "Злодекулус" - хорошая идея.

— Из-за чего драка-то? - устало спросил каменнокулачный.

— Она заняла моё парковочное место! - тут же возмутился парень. — Я подъехал, а она там стоит!

— Я встала туда ещё в восемь утра! - огрызнулась девица. - А он начал стрелять в меня какой-то зелёной жижей!

Марк на секунду замер и посмотрел на руины парковки. Бетонные блоки были оплавлены, асфальт вспучен, а от знака "Парковка для инвалидов" осталась только металлическая

палка. Так вот откуда началось недопонимание этих двоих.

Марк не стал дожидаться, чем всё закончится, и прошёл мимо, думая, как ему хотелось бы сейчас оказаться дома, но сначала надо успеть на терапию, а он и так уже достаточно задержался.

***

Вниз вела узкая лестница, выщербленная по краям, с перилами, которые следовало давно бы покрасить, но никто этого не делал - то ли руки не доходили, то ли посчитали, что так даже лучше. Ступени скрипели под ногами, и каждый скрип отдавался где-то в глубине, в полумраке, где оканчивался пролёт. В самом подвале было немного сыро, но уютно. Светильники были старые, железные, с широкими плоскими абажурами, похожими на маленькие НЛО, приземлившиеся под потолком. Их было немного - всего три, но они давали ровный, мягкий, желтоватый свет, который не резал глаза и не оставлял резких теней. Такой свет бывает в старых библиотеках или в доме у бабушки, где лампа стоит на столе, а за окном уже темно.

Стены были из красного кирпича. Не того аккуратного, декоративного, который кладут в современных лофтах, а настоящего, грубого, с неровными швами и пятнами, оставшимися от времени. Судя по облупившейся побелке, кто-то давно пытался облагородить стены и покрыть их известью, но теперь кирпич просвечивал сквозь отделочное покрытие, как старая фотография сквозь треснувшее стекло. В этом не

было небрежности - скорее честность. Кирпич не притворялся чем-то другим.

Само помещение, в котором проводилась терапия, было достаточно просторным, не огромным, но и не тесным: в нём хватало места и для разномастных стульев, расставленных неровным кругом, и для старого стола в углу, и для фикуса, который стоял у стены. Окон не было. Но странным образом это не давило. Может быть потому, что свет от ламп, таких же как в коридоре, был тёплым, а может, потому что стены, нейтрально-бежевого цвета, не казались холодными. На полу лежал старый ковёр с вытертым до основы узором — когда-то красный, а теперь, скорее, бурый, с белёсыми проплешинами. На ковре стояло восемь деревянных, обтянутых выцветшей тканью стульев. Какие-то стулья были с подлокотниками, какие-то — без, некоторые с поцарапанной спинкой, другие поновее. Никто не старался сделать их одинаковыми, и от этого комната казалась обжитой, как квартира. В углу, на столе, стоял электрический чайник с облупившейся эмалью, рядом - печенье в яркой тарелке и стопка одноразовых стаканчиков. Говорят, что раньше здесь проводились тренировки по боевым искусствам, но полной уверенности в этом не было.

Стулья были расставлены кругом, но создавалось впечатление, что они размещались вокруг одной невысокой женщины лет сорока. На ней были очки в роговой оправе, а в правой руке она держала блокнот. Дама смотрела из под оч-

ков на появляющихся в дверях участников клуба и в зависимости от входящего, улыбалась, морщилась, хмурилась или чесала переносицу. При этом она глубоко вдыхала воздух и слегка причмокивала, как будто пробуя его на вкус. Марк пришёл последним и ему пришлось занять единственно свободный стул с подкосившимися ножками. «Какое-то недоразумение мебельной инженерии», — подумалось ему. Женщина подождала ещё минуту, после того как он уселся, и спокойно начала.

— Добрый вечер! Рада вас всех снова видеть в нашем клубе «Без сил». Также рада приветствовать новые лица. Давайте начнём с тех, кто уже посещал наши собрания. Всё, как обычно. Кто хочет начать первым?

Тишина. Через несколько секунд женщина лет сорока пяти в цветастой шерстяной кофте подняла руку.

— Я могу.

— Прошу, Лили. И не забудь рассказать немного про себя для новоприбывших.

— Да, — замялась женщина. — Меня зовут Лили. Точнее Лилея, но я предпочитаю, чтобы меня называли Лили. Я потеряла силу два месяца назад, — удивительно бодро произнесла она, — и я не унываю. Хотя иногда мне частично её не хватает.

Она замолчала. Психолог кивнула и потянула носом.

— Пахнет мокрой шерстью и немного прокисшим молоком. Нотка грусти. Расскажите, что случилось?

Лили вздохнула.

— У меня был... иммунитет. Не как у суперов, что ловят пули. А к еде. Точнее, в том числе и к еде. Я могла съесть просроченный йогурт и не заметить. Могла выпить молоко, которое простояло в холодильнике открытым больше недели. Однажды на спор съела шаурму из ларька у вокзала. Все мои друзья потом два дня не выходили из дома, а я пошла на работу, и даже не поняла, в чём был спор. Коллеги надо мной шутили, что я — единственный человек в городе, который может есть в нашей столовой без риска для здоровья. Даже иногда называли «санитаром лаборатории».

Она чуть помолчала, вспоминая это время. Потом, улыбнувшись, заговорила снова.

— Я хожу сюда около месяца. И, знаете, у меня стало неплохо получаться.

Психолог подняла бровь, в её глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство.

— Что именно?

— Всё, — Лили снова улыбнулась. — Я перестала искать, кем я была раньше. Я просто начала делать то, что могу сейчас. Помогать людях, ходить на мероприятия. Стала участвовать в танцевальных выступлениях. До этого у меня никогда не было на это времени! Раньше я думала, что без своей силы я пустое место. А теперь понимаю, что была не права. Я не пустое место. Я просто Лили. И как же я счастлива быть просто Лили!

Психолог прикрыла глаза на секунду и потянула носом.

— Пахнет...— она наклонила голову, — тёплым хлебом. И немного корицей. Это гордость. И спокойствие. Ты нашла себя не в том, что у тебя было, а в том, что ты делаешь сейчас. И это, Лили, самый важный шаг. Не смирение, а принятие.

Она посмотрела на всех.

— Запомните этот момент. Лили не вернула силу, она не стала прежней. Она стала другой. И эта другая ей нравится. Вот к этому мы все здесь и идём. Не к тому, чтобы стать прежними, а к тому, чтобы стать теми, кто мы есть.

В этот момент трико под брюками зачесалось. Не сильно, но достаточно чтобы Марк дёрнул ногой под стулом, пытаясь незаметно поправить резинку, которая впилась в бедро. Марк всегда носил его под брюками. В этом мире людей без сил было не так уж и много. Случалось, что человек терял их из-за болезни или сильного стресса. Иногда они возвращались после выздоровления, иногда — нет. Но у Марка был другой случай. Он родился таким. И это случалось так редко, что он чувствовал себя белой вороной. Словно природа забыла вложить в него что-то важное, что было у всех остальных.

Трико помогало ему почувствовать принадлежность к этому миру, к этим людям, к суперам. Оно было как обручальное кольцо, которое надеваешь, чтобы казаться женатым. Как галстук, который завязываешь поверх рубашки, чтобы выглядеть солиднее. Оно было ложью, но ложью, ко-

торая грела.

Но сейчас, в этом натопленном подвале, в трико было слишком жарко. Ткань липла к коже, и Марк, не выдержав, резко повёл плечом и сунул руку под стол, чтобы одёрнуть штанину.

Психолог услышала эти неуверенные движения справа от себя, и, повернув голову в его сторону, остановила взгляд на нём. Её нос уловил что-то в воздухе — она чуть склонила голову набок, как делала всегда, когда чувствовала запах эмоций, которые не вписывались в общую картину.

— Марк, ты сегодня снова задержался на работе?

Не дождавшись его ответа, она продолжила.

— Пахнет остывшим чаем. Вы только пришли, а уже успели заскучать, — засмеялась она.

Марк немного смутился и, чтобы разбавить неловкость, неестественно улыбнулся.

— Меня зовут Марк, — решил начать он также, как Лили. — У меня нет сил с рождения.

— Вас это делает одиноким?

— С точки зрения системы я не такой как все, но в плохую сторону. Брак. Я, конечно, не один на свете такой, но это точно усложняет мне жизнь.

Она не вздрогнула, не подняла бровь. Просто кивнула и снова потянула носом, но на этот раз молча. Марк снова заёрзал на стуле. Рубашка немного задралась, оголив яркую резинку от трико. Это не укрылось от цепкого взгляда пси-

холога, который она молниеносно бросила на область живота. Трико под брюками вдруг показалось тяжёлым.

— И давно Вы носите супергеройское трико под брюками? Не замечала этого раньше.

Сильное заявление, если учесть, что на общей терапии Марк присутствовал во второй раз.

— Достаточно давно. Полгода где-то

— И как?

— Что «как»?

— Помогает?

— Нет.

— Тогда зачем носите?

Марк задумался. Впервые за долгое время — по-настоящему.

— Потому что если сниму — я перестану быть своим. Даже для себя. Так я чувствую причастность.

Она кивнула. Потянула носом.

— Пахнет старыми книгами. Пыльными. И чернилами. Вы думаете много, но не говорите.

— Я не знаю, что говорить.

— Скажите, что чувствуете. Прямо сейчас.

Марк помолчал. Не так-то легко открыться перед толпой незнакомцев. Но с другой стороны не слишком ли много он беспокоится о том, что подумают о нём другие? А не всё ли равно в конце концов?

— Пустоту. Как будто я — дырка. В мире. Все на своих

местах. А я — дырка.

Она отложила блокнот, в который до этого момента почти не глядя записывала что-то, и наклонилась в его сторону, сочувствующе улыбаясь.

— Марк. Вы сказали «я — брак». Это не чувство. Это оценка. Вы оценили себя как вещь, как предмет. Но вы — не вещь. Вы — человек, который чувствует пустоту. Это разные вещи.

Марк поднял глаза.

— Но по сути так ведь и есть. Я не умею летать, двигать предметы, читать мысли. Я ничего не умею.

— Вы умеете чувствовать. Вы умеете думать. Вы пришли сюда и рассказали про себя. Это тоже умение. Редкое.

— Это не суперсила, — посмеявшись сказал Марк.

— Нет. Это человеческая сила. Она есть у всех, но не все ею пользуются.

Марк молчал и задумчиво рассматривал свои ноги. Что за бесполезное умение такое? И как ему от этого должно стать легче? Или как раз не должно?

— Знаете, что я вам скажу? — спросила она, сделав небольшую паузу.

— Что?

— Вы носите трико, чтобы быть как все. Но вы и так как все. Вы — обычный. Как я. Как миллионы других. Просто вы этого не видите. Мы все в чем-то невероятно одинаковые и при этом удивительно разные. Это банально, но люди по-

хожи на снежинки. На расстоянии и не отличишь одну от другой, а при ближайшем расстоянии видна неповторимость и уникальность каждой. Но не в этом суть. Вы думаете, что все смотрят на вас. Это в каком-то смысле даже несколько эгоцентрично. Каждый думает о себе, а вы лишь фон. И это не обидно, — добавила она в ответ на его саркастическую усмешку, — это и есть настоящая свобода.

— И что же мне делать с этим?

— Для начала перестать называть себя браком. Это не факт. Это просто мысль. Вы можете её назвать, поймать и отпустить

— Как это работает?

— Когда поймаете себя на мысли «я — брак», скажите вслух: «Ага. Это снова история про Бракованного Марка». И всё. Не боритесь, не спорьте. Просто назовите эту мысль, обозначьте её, не задвигая в подсознание.

Марк усмехнулся.

— Бракованный Марк. Звучит как супергерой.

— Почему Вы так хотите быть супергероем? Потому что все вокруг такие? Может быть, просто Марк, который учится быть собой, без трико.

Марк молчал. Мужчина слева от него нетерпеливо вздохнул, ожидая своей очереди высказаться.

— Пахнет дождём, — подытожила она. — Мокрым асфальтом. И немного яблоком. Зелёным, кислым, но спелым, — она удовлетворённо кивнула и продолжила. — Кто следу-

ющий?

Мужчина в кепке с готовностью махнул рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.